

Библейско-богословская коллекция
ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Вертеловский А.

**СВ. ДИМИТРИЙ
РОСТОВСКИЙ
И ЕГО ТВОРЕНИЯ**

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

А. Вертеловскій.

С В Я Т О Й
ДИМИТРІЙ РОСТОВСКІЙ
И ЕГО ТВОРЕНІЯ.

Цѣна 30 коп.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й
1910.

Отдѣльные оттиски изъ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1910 годъ.

Святой Димитрій Ростовскій и его творенія¹⁾.

Не такъ давно (въ 1907 г.) Русская Церковь торжественно почтила память Св. Іоанна Златоуста, по случаю исполненія 1500 лѣтъ со времени его кончины. Теперь мы чтимъ подобнымъ торжественнымъ празднествомъ память нашего мѣстнаго Святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго, по случаю исполненія двухъ-сотъ лѣтъ со времени его блаженной кончины, послѣдовавшей 28 октября 1709 г. Конечно, по богатству дарованій, по безпримѣрному краснорѣчю, по широтѣ церковно-іерархической дѣятельности, по разнообразію и глубинѣ богословскихъ твореній Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ отецъ и учитель Вселенской Церкви, занимаетъ въ исторіи ея особенно видное мѣсто. Но мы можемъ

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 28 октября 1909 года въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи, по случаю двухсотлѣтія со дня кончины Святителя Димитрія Ростовскаго († 28 октября 1709 года).

Пособіями при составленіи настоящаго труда служили слѣдующія сочиненія:

1) Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Москва 1849 г.

2) Шляпкина „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709)“. С.-Петербургъ. 1891.

3) Пышина, Исторія Русской Литературы. С.-Петербургъ. 1898, т. II, стр. 401—423.

4) Порфирьева, Исторія Русской Литературы.

5) Ст. прот. Ѳ. И. Титова. Труды Кіевской Духовной Академіи. Октябрь 1908. „Св. Димитрій митрополитъ Ростовскій, бывшій ученикъ Кіевской Академіи“, стр. 173.

Имѣемъ также подъ руками сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго, изд. 1759 г., въ которыхъ особое значеніе имѣетъ житіе Св. Димитрія, помѣщенное при первой части его сочиненій.

находить утѣшеніе въ томъ, что нашъ мѣстный святитель, именуемый въ церковныхъ гѣснопѣтіяхъ „Россійскимъ Златоустомъ“, „великимъ учителемъ“, „цѣвницею духовною“, въ своей жизни и въ своихъ разнообразныхъ письменныхъ, научно-богословскихъ и проповѣдническихъ трудахъ старался быть продолжателемъ тѣхъ свѣтлыхъ идеальныхъ религіозно-аскетическихъ традицій, какимъ слѣдовали отцы и учителя Вселенской Церкви и которыя потомъ восприняты были и усвоены уже древними русскими іерархами. Смѣемъ думать, что выдающіеся подвиги изъ жизни Св. Димитрія Ростовскаго, въ связи съ его твореніями, воспроизведеніе которыхъ составляетъ задачу нашего настоящаго труда, должны убѣдить въ томъ, что Св. Димитрій дѣйствительно осуществлялъ завѣты Христа и первыхъ представителей Вселенской Церкви. А при этомъ будутъ, хотя до извѣстной степени, устранены нареканія на Восточную Церковь со стороны современныхъ историковъ раціоналистическаго направленія (такихъ, какъ Гарпакъ и др.), будто въ ней, со времени церковнаго раздѣленія, стала преобладать полный, общій застой въ религіозной жизни со всѣми другими крайностями, будто наша Церковь вполне закоснѣла въ мертвомъ ортодоксальномъ буквализмѣ, въ обрядовомъ формализмѣ и даже слѣпомъ фанатизмѣ по отношенію ко всякому религіозному иномыслію. Если кто изъ среды русскихъ іерарховъ, болѣе близкихъ къ нашему времени, ревностно трудился для противодѣйствія подобнымъ крайностямъ призывомъ къ озаренію свѣтомъ истины и добра, къ усвоенію евангельскаго духа религіи христіанской, къ осуществленію его въ жизни путемъ исполненія возвышенныхъ добродѣтелей, то это именно нынѣ ублажаемый нами Святитель.

И самъ онъ въ такой степени выполнялъ проповѣдуемая добродѣтели, что уже при жизни своей былъ называемъ современниками праведнымъ и богоугоднымъ. Для насъ, жителей Юга Россіи, святитель Димитрій дорогъ еще и потому, что онъ по происхожденію и по первоначальной дѣятельности былъ малороссъ.

Внѣшнія условія жизни Св. Димитрія были таковы. Дѣтскіе годы святителя протекли на родинѣ его Малороссіи, при условіяхъ неблагопріятныхъ. То было время борьбы съ поляками и іезуитами за освобожденіе родины отъ поль-

скаго и католическаго ига. Сначала велись войны казаками, а потомъ, послѣ того, какъ Малороссія отдалась подъ покровительство православнаго царя Алексѣя Михайловича, война продолжалась при помощи Москвы.

Св. Димитрію Ростовскому исполнилось 16 лѣтъ тогда, когда былъ заключенъ Андрусовскій договоръ въ 1667 г., на основаніи котораго восточная Малороссія была закрѣплена за Москвою. Но оставалось еще рѣшить религіозный вопросъ о восоединеніи Южно-Русской Малороссіи съ Московскимъ Патріархатомъ. Много времени прошло, пока этотъ вопросъ былъ рѣшенъ. Отчужденіе Юго-Западной Россіи отъ Сѣверной, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, при различныхъ до противоположности условіяхъ исторической жизни, при всевозможныхъ проискахъ и интригахъ нашихъ общихъ враговъ, было причиною того, что церковное восоединеніе Юго-Западной Малороссіи съ Московскимъ Патріархатомъ послѣдовало только въ 1686 году, когда св. Димитрію исполнилось 35 лѣтъ. Нашъ святитель, благодаря особымъ обстоятельствамъ своей жизни, побуждавшимъ его переходить въ служеніи проповѣдника изъ одного города Малороссіи и Литвы въ другой, болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что полное спокойствіе и счастье для Юго-Западной Россіи можетъ наступить только тогда, когда она будетъ находиться подъ могущественнымъ покровительствомъ московскаго православнаго царя и московскаго патріарха. А потомъ, по устроенію Божественнаго Промысла, обстоятельства сложились такъ, что онъ, пачавъ свою дѣятельность на роднѣ въ Малороссіи, перенесъ ее на сѣверъ Россіи. Это послѣдовало въ царствованіе Петра Великаго. Петръ Великій, привлекавшій всѣ лучшія силы для осуществленія своихъ широкихъ реформаторскихъ плановъ, вызвалъ на сѣверъ Россіи и св. Димитрія, назначивъ его на ростовскую митрополичью кафедру (1702 г.).

По ознакомленіи съ общими внѣшними условіями, при которыхъ протекала жизнь святителя, мы теперь обратимся къ частному ознакомленію съ его жизнью. Св. Димитрій, въ мірѣ Даниилъ Саввичъ Туптало, родился въ 1651 году въ незначительномъ мѣстечкѣ Макарьевѣ, въ 8 верстахъ отъ Кіева, вверхъ по Днѣпру; но потомъ родители его переселились въ Кіевъ. По отзыву самого святителя, выражен-

ному въ дневникѣ „діаріушѣ“, родители его были глубоко вѣрующими и благочестивыми христіанами. Отецъ его, Савва Григорьевичъ, по фамиліи Туптало, былъ полковымъ сотникомъ, принявшимъ подданство московскаго царя. Мать его, Марья Михайловна, всегда была „набожна и добродѣтельна“. Оба они окончили свою жизнь, по достиженіи глубокой старости, въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ: отецъ скончался 103 лѣтъ, а мать 70 лѣтъ. Кромѣ сына Даниіла, въ этой семьѣ были три дочери, которыя впослѣдствіи всѣ приняли монашество и были игуменьями основаннаго ими Николаевско-Юрдапскаго женскаго монастыря. Хотя мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній о домашнемъ воспитаніи Даниіла, но можемъ съ вѣроятностью заключать, что въ такой благочестивой семьѣ онъ могъ получать истинно религіозное воспитаніе. Въ житіи его замѣчается, что онъ воспитывался въ страхѣ Божіемъ „растяше лѣты, разумомъ и добродѣтелями, яки лѣствицею отъ силы въ силу грядущи“. Въ раннихъ лѣтахъ Даниілъ поступилъ въ Кіевскую Коллегію для полученія образованія, когда ректоромъ ея былъ знаменитый Іоанникій Голятовскій, извѣстный особенно своими успѣшными состязаніями о вѣрѣ съ іезуитами. Даниілъ не могъ получить полнаго законченнаго образованія въ Кіевской Коллегіи, или потому, что, вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, занятія въ ней были прерваны и сама Коллегія была разорена, или потому, что занятія въ ней были сокращены. Нѣкоторые изслѣдователи паходять возможнымъ допустить, за отсутствіемъ опредѣленныхъ документальныхъ данныхъ, что святитель Димитрій обучался въ Кіевской Коллегіи между 1662 и 1666 г.г. больше, чѣмъ въ теченіе 3 лѣтъ ¹⁾. Въ Коллегіи Даниілъ особенно заявилъ себя искусствомъ въ стихотворствѣ и витійствѣ, какъ можно заключить изъ его житія. Но несомнѣнно, здѣсь же, при трехгодичномъ обученіи, св. Димитрій могъ пріобрѣсть значительныя свѣдѣнія по Священному Писанію и изъ области патрологической. Любимымъ его занятіемъ въ свободное время отъ классныхъ уроковъ и упражненій было чтеніе Св. Писанія, твореній и житій святыхъ ²⁾. Несмотря на неблагопріятныя условія, Даниілъ Туптало могъ пройти, если не весь курсъ, то по

¹⁾ Проф. Титова, цитованная статья, стр. 177.

²⁾ Житіе, стр. 2.

крайней мѣрѣ, большую часть академическаго курса. Сочиненія, его не исключая и самыхъ раннихъ, по времени ихъ написанія, показываютъ въ немъ человѣка вполне научно образованнаго.

Еще въ Коллегіи Даніилъ Туптало обнаружилъ особую склонность къ уединенію и къ религіознымъ подвигамъ. А потому естественно, что, по выходѣ изъ Коллегіи, онъ рѣшился посвятить себя монашеской жизни. 2 іюля 1668 г. благонравный 17 лѣтній юноша былъ постриженъ въ монашество въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ, съ именемъ Димитрія, игуменомъ Мелетіемъ Дзикою, а въ слѣдующемъ 1669 году 25 марта въ Каневѣ онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона Кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Нелюбовичемъ-Тукальскимъ, извѣстнымъ страдальцемъ за вѣру и отчизну, находившимся въ плѣну у поляковъ въ теченіе двухъ лѣтъ ¹⁾. Изъ стариннаго житія можно заключать, что Св. Димитрій не только выдѣлялся въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ изъ ряда другихъ монаховъ своими религіозно аскетическими подвигами, но также обращалъ на себя вниманіе чтеніемъ книгъ и составленіемъ разныхъ сочиненій. Здѣсь, въ богатой бібліотекѣ Кирилловскаго монастыря, онъ ознакомился со свѣтскою и духовною литературою, польскою, латинскою, греческою и славянскою, сдѣлавшись самоучкою образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Въ этотъ періодъ святителю Димитрію приписываютъ составленіе многихъ поэмъ и духовныхъ псень, сохранившихся отчасти и до настоящаго времени. Дарованія и подвиги св. Димитрія стали извѣстны черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу, блюстителю кіевской митрополіи. Онъ рукоположилъ св. Димитрія въ 1675 году (23 мая) во іеромонаха въ Густынскомъ монастырѣ и пригласилъ его быть проповѣдникомъ при Черниговскомъ соборѣ. Въ этой должности святитель Димитрій пробылъ около двухъ лѣтъ. Первые проповѣди св. Димитрія по своему риторическому характеру еще въ значительной степени приближались къ гоимлетическимъ требованіямъ, предъявляемымъ Іоанникіемъ Голятовскимъ; но онѣ представляли въ частности новизну по сердечному чувству, оживляющему ихъ, и по болѣе упрощенной формѣ изложе-

¹⁾ По словамъ Иннокентія Гизеля, это былъ „Православія преславный ревнитель, святая вѣры восточныя столпъ непоколебимый“.

нія. Молодой проповѣдникъ сталъ получать извѣстность въ народѣ до такой степени, что его начали вызывать изъ Чернигова въ другіе города. О немъ, какъ о выдающемся проповѣдникѣ, пронеслась молва не только въ Малороссіи, но и въ Литвѣ. Съ 1677 года, вѣроятно по особому вызову, святитель Димитрій переселился въ Литовско-Русскія области, находившіяся тогда подъ владычествомъ Польши. Здѣсь онъ сталъ проповѣдникомъ Слуцкаго Преображенскаго братства ¹⁾, но скоро пріобрѣлъ такую глубокую симпатію среди духовенства и православныхъ мірянъ литовско-русскаго края, что его начали приглашать для проповѣди и въ другія западно-русскіе монастыри. Здѣсь шире раскрылось проповѣдническое дарованіе святителя. Его краснорѣчивое и убѣдительное слово было вполнѣ своевременное и благотворное для западно-руссковъ, которые опять подвергались опасностямъ со стороны поляковъ, замышлявшихъ новыя мѣры къ уничтоженію православія въ западно-русскихъ областяхъ, путемъ закрытія православныхъ ставропигіальныхъ братствъ и подовленіемъ уни. Св. Димитрій своею проповѣдническою дѣятельностью въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Литвѣ (1677—1698 г.г.) много способствовалъ ободренію и укрѣпленію въ вѣрѣ православныхъ жителей Западной Руси. Но особенно важно было пребываніе св. Димитрія въ Литвѣ потому, что онъ могъ убѣдиться, насколько тяжело было положеніе православнаго народа подъ напоромъ католичества, теперь также онъ могъ убѣдиться, что и свобода вѣры возможна только при полномъ воссоединеніи съ Москвою какъ въ политическомъ, такъ и въ церковно-іерархическомъ отношеніи. Между тѣмъ Лазарь Барановичъ и гетманъ Малороссіи Самойловичъ упросили святителя Димитрія возвратиться въ Малороссію. По возвращеніи святитель Димитрій поселяется въ Батуригѣ ²⁾, бывшемъ резиденціею малороссійскихъ гетмановъ. Здѣсь св. Димитрій могъ широко пользоваться покровительствомъ гетмана, расположеннаго къ нему, для своихъ выгодъ. Самъ гетманъ происходилъ изъ духовнаго званія и отличался преданностью Церкви. Но свя-

¹⁾ Слуцкъ находится въ предѣлахъ Минской губерніи.

²⁾ Батуригъ, бывший мѣстомъ резиденціи гетмановъ, теперь мѣстечко, находящееся въ 27 верстахъ отъ Конотопа въ Черниговской губерніи.

титель Дмитрій предпочелъ удалиться въ Батуринскій монастырь, гдѣ проводилъ время въ молитвахъ, постахъ, въ чтеніи духовныхъ книгъ, „наипаче же прилежаше къ проповѣди Слова Божія“. Уединеніе святителя было непродолжительно. Вскорѣ братія Кіево-Кирилловскаго монастыря обратилась къ нему съ убѣдительноѣйшею просьбой о принятіи начальства надъ ними, извѣщая, что они единогласно избрали его игуменомъ. Святитель, однако, отказался отъ предлагаемаго поста. Но такое же приглашеніе вновь сдѣлано было со стороны братіи Максаковской Преображенской обители (Черниговской губ. близъ г. Борзны). На этотъ разъ неотступныя просьбы, поддерживаемыя самимъ гетманомъ, преодолѣли его смиреніе, особенно потому, что Максаковская обитель по своему уединенному мѣстоположенію могла благопріятствовать его строгой почти отшельнической жизни. Святой Дмитрій согласился на игуменство въ 1680 г. При этомъ святитель обрадованъ былъ выраженіемъ особаго сочувствія къ нему со стороны Лазаря Барановича, который передъ постриженіемъ въ игумены выразительно замѣтилъ: „да благословить васъ Господь не только игуменствомъ, но по имени Дмитрія желаю вамъ и митры. Дмитрій да получить митру“. Прощаясь съ св. Дмитріемъ, архіепископъ вручилъ ему свой посохъ и такъ отпустилъ его, какъ отецъ родной (1681 г.). „Поддай Господи вся благая ему“ замѣчаетъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ святитель ¹⁾. Недолго однако св. Дмитрій управлялъ Максаковскою обителью. Отсюда онъ былъ переведенъ, вѣроятно, по желанію гетмана, въ Батуринскій монастырь (1-го марта 1682 года). Но потомъ, какъ полагаютъ, онъ добровольно отказался отъ управленія монастыремъ съ тѣмъ, чтобы посвятить себя научнымъ занятіямъ. Святитель будто слушался какого-то тайпаго голоса, готовившаго ему особый религіозно-нравственный подвигъ. Въ 1684 году Кіево-печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясипскій, извѣстный своею ученостію и ставшій впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ, предложилъ святителю Дмитрію, какъ уже извѣстному по своей учености лицу, „благочестивому и ревностному поборнику православія“, потрудиться надъ составленіемъ житій святыхъ. Въ такомъ трудѣ дѣй-

¹⁾ Діар. св. Дмитрія т. I стр. 433.

ствительно была особая нужда на Югѣ Россіи, а богатая библіотека въ Кіево-Печерской лаврѣ, и содружество съ образованными монахами, воспитанниками Кіевской Коллегіи, представляли благопріятныя условія для успѣшнаго выполненія его. Но святитель по своему глубокому смиренію и въ виду большой отвѣтственности за успѣшность труда принялся за него послѣ продолжительнаго колебанія, возлагая надежды не столько на свои силы, сколько на помощь Божію. Это богоугодное дѣло предпринялъ св. Димитрій въ маѣ 1684 года, послѣ усердной молитвы, предъ иконою преподобнаго Антонія Печерскаго, которую и нынѣ показываютъ въ великой монастырской церкви. Съ этого времени потекла тихая и мирная жизнь святителя Димитрія въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Святитель видѣлъ въ трудѣ, порученномъ ему отъ всей малороссійской Церкви „послушаніе святое“, дѣло полезное для народа, а потому отдался ему съ величайшей ревностью. Онъ трудился надъ житіями днемъ и ночью, только по необходимости отдавая нѣсколько часовъ отдыху и сну. Иногда онъ ложился спать не раздѣваясь, за часъ до заутрени, которую старался посѣщать неопустительно. Въ это время происходили въ Малороссіи важныя политическія и религіозныя событія, но они какъ будто не были замѣчаемы ученымъ труженикомъ.

Отдаваясь своему главному труду, святитель хотѣлъ удалиться отъ всякихъ сложныхъ обязанностей, которыя могли бы его отвлекать отъ научныхъ занятій, но новый митрополитъ Кіевскій Гедеонъ Четвертинскій и батуриное духовенство вмѣстѣ съ гетманомъ Самойловичемъ убѣдили его вторично принять на себя игуменство въ Батуриномъ монастырѣ (1686 г.). Только черезъ 6 лѣтъ въ 1692 году святителю удалось для спокойнѣйшаго писанія житій святыхъ покинуть игуменство и поселиться опять въ Кіево-Печерской лаврѣ. Потомъ снова святитель сталъ отвлекаться отъ своего главнаго дѣла поочереднымъ исполненіемъ игуменскихъ обязанностей въ разныхъ монастыряхъ, возлагаемыхъ на него. Послѣдовательно св. Димитрій, по настоятельнымъ вызовамъ, проходилъ служеніе игумена въ Глуховѣ, въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ и въ Черниговѣ. При назначеніи въ Черниговскій Елецкій монастырь, святитель былъ возведенъ въ санъ архимандрита въ 1697 году.

Черезъ два года съ небольшимъ онъ переведенъ въ Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь. Новгородъ-Сѣверскій былъ послѣднимъ мѣстомъ дѣятельности святителя Димитрія въ родной ему Малороссіи. Промыслъ Божій предуказывалъ ему болѣе высокое служеніе.

Въ 1700 году умеръ митрополитъ Тобольскій и Сибирскій Павелъ. Петръ Великій, преслѣдуя широкіе преобразовательныя планы и заботясь о возвышеніи миссіонерскаго дѣла на должную высоту, рѣшился изъ среды малороссійскаго духовенства избрать достойнаго кандидата для занятія высокаго іерархическаго поста. Малороссійское духовенство по образованію считалось болѣе подготовленнымъ къ высшему іерархическому и миссіонерскому служенію, чѣмъ великороссійское. А потому обратился къ кievскому митрополиту Варлааму Ясинскому съ требованіемъ поискать изъ архимандритовъ и игуменовъ, или другихъ иноковъ добраго ученаго и непорочнаго житія, которому бы въ Тобольскѣ быть митрополитомъ. Митрополитъ Варлаамъ нашелъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ къ выполненію царской воли св. Димитрія. По прибытіи въ Москву, св. Димитрій, привѣтствовавъ царя рѣчью, очень понравился ему. Св. Димитрій въ 1701 году, на 50 году своей жизни, былъ посвященъ въ митрополиты. Однако святитель не поѣхалъ въ Сибирь по разнымъ обстоятельствамъ. Петръ I-й, при личномъ посѣщеніи святителя во время болѣзни, принялъ во вниманіе жалобу его на слабое здоровье, а также на незаконченность предпринятаго научнаго труда, а потому перемѣнилъ уже состоявшееся рѣшеніе и назначилъ св. Димитрія митрополитомъ Ростовскимъ.

II.

Съ 1 марта 1702 года началось архипастьрское служеніе святителя въ Ростовѣ. Ростовскою паствою управлялъ святитель недолго—всего въ теченіе семи лѣтъ, но достойно и плодотворно. Онъ открылъ свое служеніе образцовою вступительною рѣчью въ которой просто и необыкновенно живо притомъ авторитетно представилъ какъ бы программу своего предстоящаго служенія. „Я пришелъ къ вамъ съ любовію, сказалъ святитель, по совершеніи первой литургіи въ ростовскомъ кафедральномъ соборѣ, тѣмъ путемъ, которымъ нѣкогда при-

пешель сюда изъ Кіева Святой отецъ нашъ Исаія, ростовскій чудотворецъ... Я пришелъ не себѣ угождати, но вразумляти безчишныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя... добрыя любити, злыя съ милостіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣхъ пецися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молиться“¹⁾). Однако практическое осуществленіе такой широкой, высоко-гуманной, истинно отеческой архипастырской программы было дѣломъ весьма сложнымъ и труднымъ. Въ самомъ началѣ своего служенія, святитель былъ пораженъ примѣрами грубаго невѣжества и нравственнаго упадка не только въ средѣ мірянъ, но и въ средѣ духовенства. Ростовское духовенство не соотвѣтствовало своему призванію. По выраженію самого святителя, оно было невѣжественно; не знало „что есть санъ священства, въ чемъ состоитъ должность священническая и духовническая и какъ ее надлежитъ проходить“. Живой проповѣди не было слышно. Многіе священники вели порочную жизнь, злоупотребляли тайною исповѣди, ходили только къ богатымъ, а бѣдныхъ презирали. Допускалось самое недостойное отношеніе къ святынь... Въ поясненіе недостатковъ, царившихъ въ средѣ ростовскаго духовенства, святитель представляетъ слѣдующій примѣръ. Случилось ему какъ-то, при проѣздѣ въ Ярославль, зайти въ одну сельскую церковь; желая поклониться тайнамъ Христовымъ, онъ спросилъ священника этой церкви: „гдѣ пречистыя и животворящія Христовы Тайны“? Тотъ, не понимая этихъ словъ, молчалъ. Тогда святитель снова спросилъ: „гдѣ Тѣло Христово“? Но священникъ и этого не понялъ. Когда же одинъ изъ бывшихъ съ святителемъ священниковъ сказалъ: „гдѣ запасъ“?, то священникъ тотъ „вынулъ сосудецъ зѣло гнусенъ и показа въ немъ оную въ небреженіи великую святыню“. Понятно, что небрежность священниковъ въ выполненіи своихъ обязанностей должна была сопровождаться самыми печальными послѣдствіями для паствы. „Окаянное наше время!—говорилъ св. Димитрій въ одной изъ своихъ проповѣдей,—въ краѣ такъ пренебрежено сѣянiе слова Божія и не знаю, кого прежде надобно винить, сѣятелей, или землю, священниковъ или сердца человѣчскія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣеть, а

¹⁾ Соч. св. Димитрія ч. I, стр. 49.

земля не принимаетъ, іереи не брегуть, а люди заблуждаются; іереи не учать, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются, іерейскія сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста: мы ихъ спрашиваемъ, давно ли причащались? А они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О окаянные іереи, не радящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о святой Церкви люди, домашнихъ своихъ ко святому Причащенію не приводящіе?“ Святитель Димитрій, получая свѣдѣнія о небрежномъ отношеніи священниковъ къ своимъ прямымъ обязанностямъ, старался наставлять и вразумлять ихъ при всякомъ личномъ свиданіи, какъ они должны были исполнять свой долгъ и совершать свое служеніе. Онъ вмѣнялъ въ обязанность священникамъ ростовской епархіи, чтобы они непременно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ поучали народъ въ церкви „отъ святыхъ книгъ, прилагая и отъ своего разума словеса полезныя, елика возможно будетъ“. Священники должны были учить народъ молитвамъ во храмѣ послѣ литургіи и поученія: священникъ долженъ былъ начинать и вслухъ произносить слова молитвъ, а всѣ бывшіе во храмѣ люди должны были повторять ихъ за нимъ ¹⁾). Для устраненія недостатковъ, замѣчавшихъ въ средѣ священниковъ, святитель обращался къ нимъ со своими архипастырскими посланіями. До насъ дошли два такихъ посланія. Въ нихъ кратко и ясно излагается все, касающееся значенія и обязанностей священническаго сана и тѣ религіозно-нравственныя требованія, которымъ должна подчиняться жизнь священниковъ, какъ пастырей. Чтобы всѣмъ были извѣстны эти наставленія и никто не могъ оправдываться ихъ незнаемъ, св. Димитрій приказалъ сдѣлать списки съ нихъ и разослать въ города и села, наказавъ каждому священнику, по перепискѣ ихъ, имѣть при себѣ, часто переписывать и стараться о точномъ исполненіи написаннаго. Въ своихъ посланіяхъ святитель старался дѣйствовать не только на умъ, но и на сердце тѣхъ, кому писалъ; онъ увѣщевалъ и молилъ, обличалъ и угрожалъ;

¹⁾ Шлякинъ, „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. (1651—1709). Спб. 1891. стр. 324—327.

за послушаніе призывалъ Божіе благословеніе, за непокорность грозилъ судомъ Божиимъ и своимъ судомъ архипастырскимъ. Когда оказывались въ средѣ духовенства лица неисправимые, то смиренный святитель по отношенію къ нимъ былъ неумолимъ. Разъ сама царица Прасковья Ѳеодоровна просила ростовскаго святителя возвратитъ прежнее мѣсто священнику села Курбъ, лишенному такового за преданность расколу, но и ея просьба не имѣла успѣха. „Много мнѣ было отъ него досады“,—отвѣчалъ св. Димитрій царицѣ о названномъ священникѣ,—„обаче все ему прощаю Христа ради моего. Но гнѣва Божія на себѣ боюся, аще волка, въ одеждѣ овчей суца, пуцу въ стадо Христово погубити души людскія раскольническими ученіями“¹⁾.

Конечно, указанная мѣры, какъ частныя, не были достаточны для возвышенія духовенства. Для этого требовалось образованіе. Никто лучше не могъ понимать этого, какъ святитель Димитрій. По вступленіи въ свою паству, онъ прежде всего призналъ необходимымъ учредить для духовенства особую епархіальную школу, и такая школа была основана св. Димитріемъ въ Ростовѣ въ 1702 году, при архіерейскомъ домѣ. Средства для содержанія училища указаны были Петромъ Великимъ въ доходахъ монастырскихъ. Но святитель Ростовскій долженъ былъ прибѣгать къ доходамъ архіерейскаго дома. Училище Ростовское было первое духовное училище въ Великороссіи послѣ Московскаго. Только потомъ были открыты новыя духовныя училища въ Тобольскѣ Филофеемъ Лещинскимъ, другомъ св. Димитрія, въ 1703 году и въ Новгородѣ митрополитомъ Іовомъ въ 1706 году. Ростовское духовное училище организовано было по типу Кіевской Коллегіи. Оно раздѣлено было на три класса. По числу классовъ было три учителя латинскаго, греческаго и русскаго языковъ. Въ латинское ученье, кромѣ грамматики, входила риторика, какъ видно изъ сохранившихся записей объ упражненіяхъ учениковъ. Учили, кромѣ того, пѣнію съ западными приѣмами, и вѣроятно, сообщали ученикамъ географическія свѣдѣнія, какъ можно судить потому, что въ описи имущества св. Димитрія упоминаются учебные предметы, быть можетъ, употреблявшіеся въ школахъ: два глобуса

1) Письмо отъ 9 ноября 1780 года при Діар.

и географическія карты. Грамматическія познанія, какъ основныя, дополнялись сообщеніемъ свѣдѣній по Священному Писанію. Обращалось также вниманіе, по желанію святителя, на то, чтобы ученики не только могли произносить готовыя проповѣди, но и сочинять собственныя. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ было болѣе 200 человекъ, большинство были священническія дѣти, но были и благородные. По праздникамъ ученики произносили рѣчи, разыгрывали театральныя пьесы на религіозные сюжеты и произносили діалоги. Св. Димитрій самъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторое поэтическое призваніе и по возможности отзывался на него. Не безъ основанія именуется онъ „цѣвницею“. Еще въ южно-русскій періодъ своей дѣятельности онъ составилъ пьесы: „Успенскую драму“ и „Грѣшникъ кающійся“. Въ Ростовѣ появились „Рождественская драма“ ¹⁾ и „Димитріевская драма“. Полагають, что Рождественская и Димитріевская драмы были составлены учителями Ростовской школы по указаніямъ св. Димитрія. По характеру своему послѣднія драмы сходны съ первыми. Драмы основаны на историческихъ документахъ, взятыхъ изъ Св. Писанія или изъ житійной литературы и имѣють преобладающую форму мѣраклей. По внутреннему же своему характеру, всѣ онѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, отличаются искренностью и глубиною религіознаго чувства, любовнымъ отношеніемъ къ низшей братіи (пастухамъ, крестьянамъ) и особенно всепрощающимъ милосердіемъ къ грѣшному человѣку. Вѣроятно, благодаря этому глубоко христіанскому гуманному настроенію, пьесы св. Димитрія пользовались впослѣдствіи популярностію и успѣхомъ. Есть извѣстіе, что пьеса „Грѣшникъ кающійся“ представлена была при дворѣ Елизаветы Петровны, при участіи Волкова и Дмитревскаго и что списки драмъ св. Димитрія сдѣлапы были Волковымъ и для Екатерины Великой ²⁾.

¹⁾ Рождественская драма святителя Димитрія состоитъ изъ 18 актовъ и написана стихами. Предметъ ея Рождество Спасителя, поклоненіе пастырей и волхвовъ, избіеніе вифліемскихъ младенцевъ и мученіе Ирода. Не смотря на схоластическое построеніе этой драмы, нельзя не признать, замѣчаетъ Костомаровъ, при сравненіи съ произведеніями Симеона Полоцкаго и другихъ, за ея авторомъ несомнѣннаго поэтическаго дарованія.

²⁾ Пр. Н. И. Петровъ. Труды К. Дух. Акад. 1909 г. стр. 268.

Школа св. Димитрія, хотя и была организована по типу Кіевской Коллегіи, но не была вполне схоластическою. Біографъ св. Димитрія отмѣчаетъ, что взявъ формы схоластической школы, святой Димитрій въ своемъ училищѣ не ввелъ ея духа, а напротивъ, далъ ей характеръ семейной простоты, заботливости и благодушія ¹⁾. Заслуживаетъ вниманія личное отношеніе къ школѣ святителя Димитрія. Онъ часто посѣщаль школу, смотрѣль за успѣхами учениковъ, дѣлалъ имъ вопросы, выслушиваль отвѣты. За отсутствіемъ учителя, самъ принималъ на себя его должность. Въ свободное отъ своихъ занятій время избираль способныхъ учениковъ и объяснялъ имъ Св. Писаніе, вызывая даже для этого ихъ къ себѣ въ лѣтнее время на дачу, въ село Демьяны. Не меньше святитель заботился и о нравственномъ воспитаніи учениковъ. Въ воскресные и праздничные дни, по его установленію, они собирались въ соборную церковь ко всеобщему бдѣнію и литургіи. По окончаніи первой каѳизмы, во время чтенія слова, или житія они должны были подходить къ святителю за благословеніемъ. Въ четырехдесятницу и прочіе посты святитель обязываль ихъ непременно говѣть; самъ исповѣдываль и пріобщаль св. Таинъ ²⁾. Обращеніе его съ воспитанниками было чисто отеческое. Кончившимъ ученіе даваль мѣста при церквахъ, смотря по достоинству. Дьячковъ и пономарей для внушенія имъ уваженія къ своей должности посвящаль въ стихарь, чего прежде въ Ростовѣ не было ³⁾.

Нечего и говорить о томъ, что такая школа была нововведеніемъ, для котораго раньше не было примѣра. Къ сожалѣнію, эта школа удержалась недолго. Средства епархіи, ограниченныя до крайности монастырскимъ приказомъ, лишили святителя возможности содержать училище ⁴⁾.

1) Шляпкииъ, 352—383.

2) Житіе стр. 15.

3) Житіе стр. 22.

4) До насъ дошло письмо св. Димитрія къ новгородскому митрополиту Іову слѣдующаго содержания: „Уподобляешься Господу своему, когда желая имѣть людей учительныхъ, разумныхъ въ правдѣ своей, собралъ немалое число учениковъ и предложилъ имъ то ученіе, которое есть начало и источникъ всему любомудрію, т. е. сляино-греческій языкъ, которымъ всѣ мудрыя ученія распростра-

Принимая мѣры къ возвышенію ростовскаго духовенства по образованію и по религіозно-нравственному направленію, святитель Димитрій лично трудился для просвѣщенія Ростовской паствы, путемъ проповѣди, путемъ общедоступнаго изложенія истинъ вѣры, путемъ борьбы съ раскольническими заблужденіями, которыя стѣли широко распространяться въ Ростовѣ. Въ Ростовѣ святитель усердно проповѣдывалъ слово Божіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ еписколяръ, напечатанный при его дневникѣ¹⁾, а также и самыя проповѣди его, во множествѣ сохранившіяся до насъ особенно отъ этого періода. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше проповѣди св. Димитрія Ростовскаго усовершенались по своему сердечному назиданію и по простотѣ изложенія. Иногда онъ писалъ сочиненія съ спеціальною цѣлью ознакомленія христіанъ изъ среды простаго народа съ основными истинами православія. Таковы, напр., его „Вопросы и отвѣты о вѣрѣ и о прочихъ истинахъ, къ знанію христіанину нужнѣйшихъ“. Сочиненіе это представляетъ краткое катихизическое изложеніе вѣроученія и нравоученія православной Церкви. Каждая истина раскрывается въ немъ съ возможною ясностью и раздѣльностью. Объяснивъ ученіе, содержащееся въ символѣ вѣры, авторъ сообщаетъ въ немъ историческое понятіе о семи вселенскихъ соборахъ и затѣмъ излагаетъ ученіе о Пресвятой Троицѣ, объ Иисусѣ Христѣ, о Церкви, образѣ Божіемъ, о ходатайствѣ святыхъ на небѣ, о заповѣдяхъ, о молитвахъ и о добродѣтеляхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на тѣхъ вопросахъ христіанскаго вѣроученія, которые извращались послѣдователями старообрядчества.

Въ ростовской епархіи, во время управленія ею святителя Димитрія, было много послѣдователей старообрядчества. Особенное усиленіе раскола въ Ростовскомъ краѣ объяс-

нились по всѣмъ народамъ. Я грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и болѣе и уже начали было грамматику разумѣть недурно, но попущеніемъ Божіимъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе: питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ и отнял все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя данн.

¹⁾ Шляпкинь стр. 371—378.

няется его сосѣдствомъ съ знаменитымъ Керженцемъ, въ XVII и началѣ XVIII в. являвшимся главнымъ центромъ раскола.

Изъ сказанія іеросхимонаха Іоанна, основателя Саровской пустыни и изъ „Обличенія на раскольниковъ“ Василия Ѳедорова видно, что названныя двѣ мѣстности находились въ самомъ живомъ общеніи между собою. По этой причинѣ расколъ во время прибытія въ епархію св. Димитрія достигъ такой силы, что грозилъ серьезною опасностью православію. Необходимо приять во вниманіе и то, что въ царствованіе Петра Великаго вражда раскольниковъ противъ церкви и государства усилилась вслѣдствіе предприятыхъ реформъ, направленныхъ къ перемѣнѣ внѣшности, освященной вѣками. Многіе даже изъ тѣхъ, которые на церковной почвѣ до сего времени оставались въ союзѣ съ православіемъ, становились, подъ вліяніемъ репрессивныхъ реформъ, ожесточенными раскольниками. Святитель Димитрій въ своей миссіонерской дѣятельности по отношенію къ раскольникамъ преслѣдовалъ прежде всего положительныя цѣли. Своими поученіями онъ желалъ укрѣпить вѣру своей православной паствы и предостеречь ее отъ увлеченія раскольническими заблужденіями. Самихъ старообрядцевъ святитель Димитрій въ своихъ проповѣдяхъ то снисходительно увѣщевалъ, то иногда сурово и рѣзко обличалъ. Въ концѣ своей жизни Димитрій, какъ извѣстно, написалъ специальное полемическое сочиненіе противъ раскола подѣ заглавіемъ: „Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ и о дѣлахъ“. Такъ непрерывно дѣйствовалъ святитель для просвѣщенія духовенства и паствы словомъ и писаніемъ. Своему религиозно-просвѣтительному труду святитель придавалъ важное значеніе и считалъ его обязательнымъ для себя. „То мое дѣло, то мое званіе, то моя должность“, говорилъ онъ по этому поводу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предавался молитвеннымъ подвигамъ. Всѣ домашніе обычаи его проникнуты были молитвеннымъ духомъ. О глубокомъ внутреннемъ религиозномъ настроеніи святителя можно судить по его идеалу религиозности, съ особымъ чувствомъ раскрытому въ краткомъ сочиненіи: „Внутренній человекъ въ клѣтѣ сердца своего учающійся и молящійся“...

Святитель Димитрій любилъ воздержаніе въ жизни.

Пищу онъ употреблялъ въ самомъ умѣренномъ количествѣ, сколько было необходимо для поддержанія жизни. Во время великаго поста воздержаніе его усиливалось настолько, что на первой и на страстной недѣлѣ онъ употреблялъ пищу только въ одинъ день недѣли—четвергъ. Святитель Димитрій отличался полною нестяжательностью. Самъ онъ въ своей духовной грамотѣ (завѣщаніи) говоритъ, что „со времени принятія иноческаго званія до приближенія своего ко гробу я не стяжалъ имѣнія, не снискалъ никакихъ средствъ, кромѣ книгъ святыхъ, не собиралъ злата и серебра, не имѣлъ лишнихъ одеждъ, никакихъ вещей, кромѣ самаго необходимаго, соблюдая всячески нищету духомъ и самымъ дѣломъ, возлагая свои надежды на Промыселъ Божій, упоая, что Онъ меня не оставитъ“.

Здоровьемъ святитель никогда не отличался. Но постоянные усиленные подвиги, въ связи съ суровымъ сѣвернымъ климатомъ, слишкомъ чувствительнымъ для него, какъ южанина, еще болѣе подорвали его здоровье.

Уже по прибытіи въ Ростовъ онъ казался истощеннымъ старикомъ и потомъ въ перепискѣ съ разными лицами онъ постоянно жаловался на свои недуги ¹⁾. Однако до послѣднихъ дней жизни своей онъ не оставлялъ своихъ трудовъ. Еще за два дня до своей кончины 26 октября 1709 г. святитель Димитрій служилъ литургію по случаю дня своего тезоименитства. Однако былъ настолько слабъ, что не могъ самъ произнести поученіе, а поручилъ его прочесть одному изъ пѣвчихъ. На слѣдующій день онъ имѣлъ силы и терпѣнія для того, чтобы посѣтить монахиню, его постриженницу, бывшую кормилицу царевича Алексѣя Петровича. Но обратно его съ трудомъ уже привезли служители. Вечеромъ 27 октября святитель Димитрій призывалъ къ себѣ пѣвчихъ. Они по его желанію, пѣли канты, имъ же самимъ составленные: „Иисусе мой прелюбезный“, „Надежду мою въ Богѣ полагаю“, „Ты мой Богъ, Иисусе, Ты моя радость“. Затѣмъ святитель Димитрій отпустилъ пѣвчихъ, поблагодаривъ ихъ,

¹⁾ Профессоръ Шляпкинъ такъ описываетъ наружность св. Димитрія по прибытіи въ Ростовъ. Святитель былъ бѣлокурый съ просѣдью, худенькій человекъ небольшого роста, сгорбленный, съ небольшою клинообразною бородкою, въ очкахъ, ходившій обыкновенно въ шерстяной рясѣ, темнозеленаго цвѣта. (Шляпкинъ, стр. 355).

и оставилъ у себя одного, самаго любимаго. Святитель Димитрій долго бесѣдовалъ съ нимъ, при чемъ разсказалъ ему многое изъ своей жизни, говорилъ о томъ, какъ онъ любилъ всегда молитву, убѣждая и пѣвчихъ своихъ возможно усерднѣе молиться. Поздно вечеромъ святитель Димитрій отпустилъ своего собесѣдника, проводивъ его, къ немалому удивленію, глубокимъ почти до-земнымъ поклономъ. Святитель Димитрій потомъ уединился для молитвы, а на другой день (28 октября 1709 г.) утромъ его нашли умершимъ на колѣняхъ во время молитвы.

Усопшій облеченъ былъ въ святительскую одежду, которую самъ для себя приготовилъ. Тѣло святителя около мѣсяца пребывало въ соборной ростовской церкви. 25-го ноября 1709 года было совершено погребеніе тѣла святителя въ Ростовскомъ Іаковлевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ самъ указалъ мѣсто своего успокоенія еще во время своего посѣщенія сего монастыря, послѣ прибытія своего въ Ростовъ ¹⁾).

Погребеніе совершалъ другъ святителя Димитрія рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патриаршаго престола. Послѣдній при этомъ произнесъ надгробное слово, которое до насъ не дошло. Въ немъ онъ, указывая подвиги святителя, неоднократно восклицалъ: „святъ Димитрій, святъ“ ²⁾).

Оставшаяся многочисленная библіотека святителя, состоящая изъ книгъ греческихъ, латинскихъ, польскихъ и славянскихъ, была отослана тогда въ Москву въ патриаршую

¹⁾ Еще въ 1702 году, при вступленіи въ Ростовскую епархію святитель Димитрій по входѣ въ соборъ Ростовской Яковлевской обители и по совершеніи обычнаго моленія, назначилъ для себя могилу въ правомъ углу собора и сказалъ вслухъ всѣхъ: „се покой мой! Здѣсь вселюсь въ вѣкъ вѣка“. Сочин. Димитрія, т. I, стр. 49.

²⁾ Впослѣдствіи преосвященный Стефанъ, посвятилъ своему почившему другу стихи, которые заключилъ слѣдующими словами:

Все вы, Ростова града людіе, рыдайте,
 Пастыря умершаго слезно поминайте,
 Димитрія владыку и преосвященнаго
 Митрополита тихаго и смиреннаго.
 Да подастъ ему Господь въ царствіи жити
 Со святыми мученики и ангелы во вѣки пребывати.
 Ему же и отъ насъ буди память.

библіотеку, а черновія его рукописи положены, согласно его завѣщанію, въ гробъ вмѣсто возглавія и подстилки. Кромѣ бібліотеки, не найдено никакого имѣнія, такъ что изъ средствъ святителя, употребляемыхъ на дѣла благотворенія, ничего не осталось на его погребеніе.

Уже при жизни святитель Димитрій признавался праведникомъ. Послѣдующія событія оправдали народную молву о немъ. 21 сентября 1752 года, при починкѣ опустившагося пола, была открыта могила святителя Димитрія, причемъ тѣло его оказалось нетлѣннымъ. Тогда же былъ возбужденъ вопросъ о канонизаціи святителя; 22 апрѣля 1757 года св. Синодъ, въ виду чудесныхъ знаменій, совершаемыхъ при гробѣ святителя Димитрія, причислилъ его къ лику святыхъ.

Императрица Елизавета Петровна устроила для мощей св. Димитрія богатую раку изъ серебра, вновь открытаго въ Кольванскихъ рудникахъ ¹⁾, а потомъ императрица Екатерина II въ 1763 году, послѣ своего царскаго вѣнчанія гѣшкомъ совершила путешествіе изъ Москвы въ Ростовъ для поклоненія мощамъ святителя Димитрія и переложенія ихъ въ приготовленную раку. На ракъ вырѣзана надпись, сочиненная Ломоносовымъ; въ ней, между прочимъ, говорится, что св. Димитрій отдавалъ „Божіе Богу вѣрою, кротостью, воздержаніемъ, ученіемъ, трудолюбіемъ; цесарево цесареви, ревностью и терпѣніемъ поборствуя Петру Великому противъ суетумудреннаго раскола, что написавъ житіе святыхъ, самъ въ ликъ оныхъ вписанъ быть удостоился“. Далѣе слѣдуютъ стихи, относящіеся къ раскольникамъ:

„О вы, что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ,
Подобіе Его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ,
Вперите въ мысль, чему святитель сей училъ,
Что нынѣ вамъ гласитъ отъ лика горнихъ силъ,
На милость Вышняго, на истинность склонитесь
И къ матери своей, вы къ Церкви примиритесь.

¹⁾ На раку и образъ святителя съ рамою израсходовано около 20 пудовъ серебра на сумму 16.384 р. 82 к.

Въ настоящее время мощи св. Димитрія хранятся попрежнему въ Зачатьевскомъ храмѣ Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря, который находится въ западномъ концѣ Ростова, на берегу озера Неро. Титовъ А. Историческій Вѣстникъ. 1888 г. т. XXXI, стр. 421—423.

III.

Обращаясь теперь къ ознакомленію съ литературными и научно-богословскими трудами святителя Димитрія, мы прежде всего должны остановиться на его многолѣтнемъ монументальномъ трудѣ Четь-Минейхъ. Четь-Миней св. Димитрія заключаютъ въ себѣ собраніе сказаній о жизни и подвигахъ святыхъ людей въ назиданіе вѣрующихъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ по числамъ и мѣсяцамъ года. Предки наши издавна любили чтенія житій святыхъ, насколько они не только могли способствовать ознакомленію ихъ съ высокими религіозно-правственными подвигами, но вмѣстѣ съ тѣмъ могли служить къ возбужденію, воодушевленію и укрѣпленію въ личныхъ подвигахъ благочестія. И уже со времени первоначальнаго введенія христіанства на Руси у насъ существовали жизнеописанія святыхъ Греко-Восточной Церкви въ переводахъ, правда, довольно тяжелыхъ по изложенію и малодоступныхъ для народа, и также житія святыхъ русскихъ, которыя постепенно составлялись отечественными писателями по мѣрѣ того, какъ такіа лица прославлялись своими подвигами. Житія святыхъ греческихъ излагались или кратко въ прологахъ, синаксаріяхъ, или болѣе полно въ Четь-Минейхъ, означающихъ съ русскаго и греческаго слова *помѣсячныя чтенія* ¹⁾. Житія русскихъ святыхъ прежде всего стали составлять содержаніе Кіево-Печерскаго Патерика, который потомъ пополнялся разными монографическими позднѣйшими сказаніями. Въ первой половинѣ XVI в. московскій митрополитъ Макарій († 1563) еще въ бытность свою архіепископомъ новгородскимъ принялъ на себя трудъ собрать въ 12 книгъ по числу годовыхъ мѣсяцевъ всѣ „книги чтомыя“, обращавшіяся въ Русской землѣ. Составъ Четь-Миней изумляетъ своею многосложностью. Это была полная энциклопедія духовной

¹⁾ Славянское Минейя есть греческое прилагательное *μηναιον* (τό) съ подразумѣваемымъ существительнымъ *βιβλιον* и значитъ мѣсячная книга. Въ приложеніи къ житіямъ святыхъ Минейями назывались также сборники послѣднихъ, въ которыхъ они собраны по мѣсяцамъ и расположены по днямъ мѣсяца. Минейи, содержащія житія святыхъ, назывались четьями, что значитъ назначенныя для чтенія, въ отличіе отъ миней богослужебныхъ, содержащихъ службы. Голубинскій. Исторія Русской Церкви 1, 906 стр.

образованности, доведенная до XVI вѣка. Главное содержаніе труда составляли жизнеописаніе святыхъ греческихъ и русскихъ, какіе только существовали въ то время. Макарій не бралъ на себя труда перерабатывать матеріалы; онъ только собралъ разные списки житій, выбралъ изъ нихъ лучшія и по мѣстамъ исправилъ слогъ ¹⁾. Кромѣ того, въ составъ труда Макарія вошли жизнеописанія, вновь составленные по его порученію. Но этотъ цѣнный для своего времени трудъ сохранился только въ Великороссіи. Церковь же малороссійская послѣ Батыева нашествія, польскихъ и литовскихъ разореній лишилась многихъ драгоценныхъ книгъ, а вмѣстѣ съ симъ жизнеописаній святыхъ. Между тѣмъ нужда въ нихъ чувствовалась большая въ бѣдственную эпоху борьбы южно-русскаго народа съ поляками-католиками и религіознаго воодушевленія. Любители душеспасительнаго чтенія пользовались при такихъ условіяхъ даже римскими мученическособловіями и легендами на польскомъ и латинскомъ языкахъ, не всегда согласными съ духомъ и ученіемъ православія, да для многихъ и малодоступными по своему изложенію. Петръ Могила († 1647 г.) имѣлъ въ виду пополнить важный пробѣлъ въ южно-русской церковной письменности изданіемъ житій на славяно-русскомъ языкѣ. Уже для этого были пріобрѣтены необходимые матеріалы и пособія, но ранняя кончина не дала возможности Петру Могилѣ осуществить эту важную мысль. Преемникъ его въ Кіево-Печерской лаврѣ Иннокентій Гизель, бывшій ректоръ Кіевской Академіи, приступилъ уже къ самому труду, но не могъ выполнить его по причинѣ военныхъ смуть. Этотъ трудъ суждено было выполнить для блага Церкви святителю Дмитрію. Мы уже знаемъ, что святитель всею душою отдался этому дѣлу, проводя надъ нимъ нерѣдко цѣлыя ночи, не оставляя своего труда ни при какихъ перемѣнахъ въ личной жизни. Не разъ даже онъ отказывался принять на себя ту или другую должность исключительно съ цѣлью посвятить себя своему главному дѣлу, хотя достигнуть полного уединенія ему ни разу не удалось. Увлеченіе этимъ трудомъ доходило до того, что сочинитель вдохновляемъ былъ въ своемъ трудѣ особыми видѣніями. Объ одномъ изъ та-

¹⁾ Филаретъ, Обзоръ Русской Литературы. Изд. 1857—143. Порфирева, Исторія Русской Литературы. 1, 532—640.

кихъ видѣній святитель разсказываетъ слѣдующее. „Въ 1685 году, въ Филипповъ постъ, въ одну ночь, окончивъ описаніе страданій св. мученика Ореста, память котораго празднуется 10 ноября, за часъ или меньше до заутрени, легъ я, не раздѣваясь, отдохнуть и въ сонномъ видѣніи узрѣлъ св. мученика Ореста, говорящаго ко мнѣ съ веселымъ лицомъ: „я больше претерпѣлъ мукъ за Христа, нежели ты описалъ“. Затѣмъ, показавъ на лѣвомъ боку великую рану, проходящую сквозь внутренность, сказалъ: „это мнѣ желѣзомъ прожжено“. Потомъ, указавъ на рану на локтѣ правой руки, прибавилъ: „это мнѣ перерѣзано“. То же сказалъ, показавъ рану на локтѣ лѣвой руки. Открывъ потомъ раны на сгибѣ обоихъ колѣнъ, сказалъ: „а это мнѣ косою разсѣкли“. Видишь ли, прибавилъ мученикъ,—не больше ли претерпѣлъ я страданій за Христа, чѣмъ ты написалъ?“ св. Димитрій, слушая это думалъ, который это Орестъ? Не тотъ ли, который празднуется 13 декабря? На эту мысль мученикъ отвѣтилъ: „я не изъ пяточисленныхъ, но тотъ Орестъ, котораго жизнь ты нынѣ описалъ“. Видѣлъ я и другого какого то человѣка, стоящаго позади его, и мнѣ казалось, что это былъ также какой-то мученикъ, но тотъ ничего не сказалъ. Въ это самое время раздался благовѣстъ къ заутрени, пробудилъ меня и я жалѣлъ, что это пріятнѣйшее видѣніе скоро окончилось. А что это я видѣлъ, прибавляетъ св. Димитрій,—дѣйствительно и видѣлъ точно такъ, какъ описалъ, а не иначе, это я подтверждаю моею священническою клятвою“¹⁾.

Московскій патріархъ Іоакимъ, выразившій сначала благоволеніе къ святителю Димитрію за предпринятый трудъ и оказавшій помощь присылкою Четь-Миней Макарія, потомъ потребовалъ въ 1688 году книги назадъ. Это объясняется тѣмъ, что между Москвою и Кіевомъ возникли натянутыя отношенія вслѣдствіе богословскихъ споровъ о времени пресуществленія даровъ въ Евхаристіи, а отчасти и потому, что въ первой книжкѣ новаго труда допущено было ошибочное мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери. Недоразумѣнія между двумя сторонами однако были скоро устранены. Св. Димитрій во время посѣщенія своего Москвы въ

¹⁾ Діаріумъ, т. 1., стр. 442.

1689 г. личнымъ объясненіемъ съ патріархомъ Іоакимомъ успѣлъ настолько расположить къ себѣ патріарха, что тотъ благословилъ его на продолженіе Четь-Миней и подарилъ ему образъ Божіей Матери въ окладѣ. А преемникъ Іоакима патріархъ Адріанъ даже всячески старался поощрять святителя, какъ „самимъ Богомъ посланнаго искусна, благоразумна, благоусердна дѣятеля и исполнителя“, къ дальнѣйшему продолженію столь важнаго труда ¹⁾. Два раза патріархъ Адріанъ посылалъ св. Димитрію благословеніе и грамоту, въ коей похвалялъ его богоугодный трудъ, препроводивъ отъ себя въ награду св. Димитрію и денегъ десять рублей. Трудъ святителя Димитрія особенно интересовалъ жителей Малороссіи и являлся поистинѣ дѣломъ всей „Малороссійской Церкви“. Четь-Миней Димитрія Ростовскаго издавались постепенно. Въ 1689 году закончена была первая часть труда (сентябрь, октябрь, ноябрь), а въ 1695 г. была окончена вторая часть. Въ 1700 году малороссійскій лѣтописецъ Величка сообщаетъ какъ о событіи высоковажномъ, что появилась въ свѣтъ третья книга житій святыхъ, составленная трудами богодохновеннаго мужа іеромонаха Димитрія Саввича Тупталенка и любопытствующихъ челоувѣкъ книжныхъ духовною радостію сердца напомнила ²⁾. Іосифъ Кроковскій съ братіей, въ знакъ особаго уваженія къ составителю житій святыхъ, прислалъ св. Димитрію въ даръ икону Божіей Матери, пожалованную царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ во время вѣнчанія своего на царство. Последнюю же четвертую часть св. Димитрій закончилъ уже въ 1705 году. Такимъ образомъ на выполненіе своего труда св. Димитрій употребилъ болѣе 20 лѣтъ (1684—1705). Четь-Миней составлялись св. Димитріемъ осмотрительно. Главнымъ пособіемъ при составленіи жизнеописаній святыхъ Восточной церкви служило сочиненіе Симеона Метафраста, писателя X в., занимавшагося въ Константинополѣ собраніемъ житій святыхъ и исправленіемъ ихъ въ слогъ, иногда и по содержанію ³⁾. Дополнительными пособіями при состав-

1) Сочин. Св. Димитрія стр. 329—330.

2) Лѣтопись событій С. Величка III, 581.

3) Названіе Метафраста выражаетъ свойство самаго труда Симеонова надъ жизнеописаніями. Бл. Симеонъ, имѣя въ рукахъ древнія повѣствованія, старался передѣлать ихъ (μεταφράζειν) въ лучшій

леніи житій святыхъ служили сборникъ многосторонне свѣдущаго картезіанца Лаврентія Сурія († 1578), озаглавленный „*vitae sanctorum*“, въ 6 томахъ изданный въ Кельнѣ, и извѣстный трудъ Болландистовъ „*Acta sanctorum*“, который сталъ издаваться въ Антверпенѣ съ 1643 года Юанномъ Болландомъ и въ полномъ объемѣ обнималъ 54 т. ¹⁾ Житія русскихъ святыхъ излагались св. Димитріемъ преимущественно по великимъ Четьи-Минеемъ м. Макарія. Многое изъ того, что заключалось въ указанныхъ пособіяхъ св. Димитрій тщательно провѣрялъ по различнымъ первоисточникамъ. Какими источниками пользовался св. Димитрій при составленіи житій святыхъ—это показываютъ, во-первыхъ, два списка учителей, описателей, историковъ и повѣствователей, помѣщенные предъ первую и вторую четвертью Четьи-Миней; во-вторыхъ, сочинитель означаетъ это весьма часто при самыхъ жизнеописаніяхъ. Достаточно замѣтить, что св. Димитрій цитируетъ историческіе труды Юсифа Флавія, Евсевія, Сократа, Созомена, Θεодорита, труды византійскихъ историковъ, сочиненія отцовъ и учителей Церкви, которыя дошли до позднѣйшаго времени на греческомъ или латинскомъ языкѣ ²⁾. Нерѣдко св. Димитрій составлялъ сказаніе о жизни извѣстнаго святаго по разнымъ источникамъ. Тогда работа усложнялась. Онъ долженъ былъ заботиться какъ о планѣ построенія жизнеописанія, такъ и объ обработкѣ матеріала ³⁾. Не ограничиваясь заботою о возможно болѣе изящномъ, иногда художественномъ изложеніи извѣстнаго жизнеописанія, святитель дѣлалъ съ своей стороны разныя дополнительные объясненія по отношенію къ

видъ по слогу и содержанію. Жизнеописанія, написанныя имъ, написаны слогомъ изящнымъ, какой только можетъ допускать благочестивое одушевленіе и потому жизнеописанія Симеона, по отношенію къ древнимъ простымъ явились въ повомъ видѣ и по праву названы метафразами (*μεταφράσεις*), а сочинителя ихъ называютъ сладкимъ писателемъ метафразовъ (Филаретъ арх. Черниговскій, Историческое Чтеніе объ отцахъ Церкви III, 390. Спб. 1859).

¹⁾ Alzog, *Handbuch der Allgemeine Kirchengeschichte* 10 Aufl, II B. 411-477. Mainz 1882. Въ настоящее время этотъ капитальный трудъ Болландистовъ доведенъ до 63 т., кромѣ позднѣйшихъ дополненій.

²⁾ Св. Димитрій м. Ростовскій 1849. 131.

³⁾ *Ibidem* 192.

различнымъ предметамъ вѣры и церковной исторіи, или высказываетъ свои критическія замѣчанія объ извѣстныхъ историческихъ фактахъ. Такъ по поводу разсказаннаго въ житіи преподобной Феоктисты (9 ноября) случая, что одинъ изъ непосвященныхъ принесъ для приобщенія ея, когда она жила въ пустынѣ, вдали отъ храмовъ Божіихъ, часть св. Даровъ, святитель указываетъ на древнее обыкновеніе, которое было потомъ отмѣнено. Въ примѣчаніи къ житію св. Григорія еп. Акрагентійскаго или Агригентійскаго (23 ноября) разрѣшаетъ вопросъ о томъ, почему римскій папа Григорій Двоесловъ не могъ судить оклеветаннаго предъ нимъ Агригентійскаго епископа безъ сношенія съ восточнымъ императоромъ и константинопольскимъ патріархомъ. Разрѣшаетъ тѣмъ, что городъ Агригентъ въ Сициліи въ іерархическомъ отношеніи былъ раздѣленъ на двѣ части—одна подчинена была Константиномъ Великимъ папѣ и приписана къ церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ; другая осталась въ іерархическомъ подчиненіи константинопольскому патріарху. Между тѣмъ епископъ этого города былъ одинъ. Не всегда святитель спѣшилъ высказывать свое рѣшеніе и сужденіе о такихъ фактахъ, которые передаются различно. Такъ въ примѣчаніи къ слову на Воздвиженіе честнаго креста (14 сент.) сопоставляетъ разногласныя свидѣтельства историковъ о чудѣ, посредствомъ котораго истинный крестъ Христовъ былъ отличенъ отъ другихъ двухъ, найденныхъ съ нимъ въ землѣ. Одни говорятъ, что чудо состояло въ исцѣленіи больного, другіе въ воскрешеніи мертвеца. А по свидѣтельству Никифора Каллиста, то и другое чудо совершено было истиннымъ крестомъ Христовымъ. Приводя эти свидѣтельства, св. Димитрій ничего не прибавляетъ отъ себя.

Въ примѣчаніи къ сказанію объ успеніи Божіей Матери исчисляетъ разногласныя свидѣтельства о лѣтахъ Ея жизни и не соглашается ни на одно изъ нихъ всецѣло, ограничиваясь только общимъ предположеніемъ, что успеніе ея должно относиться къ позднѣйшему времени на томъ основаніи, что при ея успеніи присутствовали Діонисій Ареопагитъ, обращенный ко Христу спустя 52 года по Р. Хр.¹⁾

Въ виду указанныхъ особенностей необыкновенно об-

1) Св. Димитрій м. Ростовскій. Москва 1849 г. 193 стр.

ширный, можно сказать гигантскій трудъ св. Димитрія высоко оцѣняется по своему достоинству какъ со стороны содержания, такъ и изложенія различными учеными изслѣдователями. Извѣстный патрологъ Филаретъ Черниговскій признавалъ Четьи-Минеи необходимымъ пособіемъ для патрологии. По его словамъ, Четьи-Минеи святителя Димитрія который для трехъ книгъ своихъ пользовался ученымъ трудомъ Болландистовъ, составляетъ единственное отечественное пособие для изученія отцовъ Церкви ¹⁾. Въ другомъ сочиненіи тотъ же авторъ замѣчаетъ. „Это—образцовое сочиненіе по исторіи церковно-славянскаго языка, по мастерскому изложенію, по критической осторожности въ выборѣ повѣствованій прежнихъ. Источникъ его—Минеи Макарія: но ими онъ пользовался съ разборчивостью, повѣрялъ и дополнял ихъ древними историческими сочиненіями, часто критическимъ трудомъ Болландистовъ. Списки сочиненій и сочинителей служившихъ руководствомъ, приложенные къ II-й части, показываютъ, что сочинитель отыскивалъ все нужное для него, что только можно было отыскать въ его время ²⁾. По замѣчанію академика Пыпина, для своего времени трудъ св. Димитрія былъ единственный въ своемъ родѣ, какого безъ сомнѣнія, не могъ бы совершить никто изъ московскихъ книжниковъ ³⁾. „Это поистинѣ великій трудъ замѣчаетъ проф. К. Академіи прот. Ѳ. И. Титовъ, его одного было бы достаточно для того, чтобы поставить имя святителя Димитрія въ ряду славнѣйшихъ писателей образованнаго міра. То, что создано было въ другихъ странахъ и у другихъ народовъ цѣлыми болѣе или менѣе многочисленными коллегіями ученыхъ людей, у насъ было исполнено однимъ человѣкомъ и при томъ почти безъ всякой матеріальной поддержки со стороны общества. Это могъ сдѣлать только русскій православный монахъ, получившій образованіе въ такой школѣ, какова была въ XVII в. Кіевская Академія ⁴⁾.

Если Четьи-Минеи св. Димитрія представляютъ цѣнный трудъ въ научно-историческомъ отношеніи, то еще

¹⁾ Филаретъ арх. Черниговскій, Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. I, XXX Спб. 1889.

²⁾ Обзоръ русской духовной литературы. Спб. 1887 г. 259.

³⁾ А. К. Пыпинъ, Исторія Русской литературы II, 410. Спб. 1898.

⁴⁾ Проф. прот. Ѳ. И. Титовъ. Труды К. Д. Ак. 1909 окт. 218 стр.

болѣе они важны по своему религіозно-назидательному содержанию. Четы-Минеи прежде всего представляют живую художественную апологію христіанства, представляющую наглядно путемъ многочисленныхъ примѣровъ изъ жизни святыхъ побѣдоносное, всестороннее преобразовательное вліяніе Божественной религіи христіанской на человѣческую природу. Здѣсь намъ представляются то исповѣдники и мученики, безстрашно отстаивающіе свою вѣру, несмотря на всевозможныя страданія, пытки и смерть. Здѣсь предъ нами выступаютъ отцы и учителя Церкви, посвящающіе всѣ свои силы своею благотворною пастырскою дѣятельностью для религіозно-нравственнаго перевоспитанія общества, нерѣдко съ мужественнымъ и самоотверженнымъ отстаиваніемъ высшихъ интересовъ въ борьбѣ съ властителями міра, или посвящающіе себя научному раскрытію религіозно-нравственныхъ истинъ, составляющихъ содержаніе православія. Здѣсь мы видимъ цѣлый сонмъ подвижниковъ, выходившихъ изъ міра, исполненнаго соблазна и всякихъ превратностей для трудной борьбы съ своими плотскими страстями и достигающими нерѣдко послѣ тяжелой борьбы и страданій такого торжества надъ своею природою, что сами дѣлаются живыми носителями благодати, удостоиваются высшаго божественнаго озаренія, чудотвореній и т. д. Наконецъ, здѣсь мы встрѣчаемъ набожныхъ и благочестивыхъ людей различныхъ сословій, половъ и возрастовъ, которые въ самомъ мірѣ сіяютъ свѣтомъ истины и добра, благодаря сознательному усвоенію началъ христіанства и дѣятельному осуществленію ихъ въ своей жизни. Это тотъ идеальный міръ, который составляетъ поистинѣ царство Божіе на землѣ. И благочестивый читатель, относящійся къ священной книгѣ безъ предубѣжденія, можетъ убѣдиться въ высоко-благотворномъ значеніи христіанства, а вмѣстѣ въ непреложномъ значеніи обѣтованія Господа: „созияждутъ Церкви Мою и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мѣ. 16, 18).

Далѣе, Четы-Минеи могутъ способствовать убѣжденію въ истинности догматовъ, составляющихъ содержаніе религіи христіанской, такъ какъ эти догматы отстаивались въ борьбѣ съ противниками истины часто цѣною крови. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи житія защитниковъ почитанія св. иконъ: такъ какъ повѣствователи часто вво-

дять въ свой разсказъ и самыя пренія исповѣдниковъ съ еретиками (Пр. Стефанъ Новый. Ноября 28).

Наконецъ, Четьи-Минеи особенно цѣнны по урокамъ нравственности, преподаваемымъ такими лицами, которыя въ своей жизни лично представляли идеальныя примѣры высокой нравственности, осуществляя въ разныхъ формахъ возвышенныя христіанскія добродѣтели—любовь къ Богу и ближнимъ, смиреніе, воздержаніе. То, что преподавалось въ видѣ поучительнаго нравственнаго урока, или наставленія для желающаго вести Богоугодную жизнь, такими авторитетными опытными подвижниками, какими были извѣстные египетскіе подвижники (Антоніемъ В., Пахоміемъ В.), должно имѣть особую силу, такъ какъ преподаваемая истины вполнѣ оправдывались самою жизнію. Житія святыхъ изобилуютъ разнообразными благочестивыми дѣяніями, представляющими живые глубоко назидательныя примѣры нравственности для всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ. И не мало можно представить фактическихъ доказательствъ въ пользу того, что ознакомленіе съ подвигами святыхъ дѣйствительно могло производить благотворное вліяніе на нравственность и производить большія перемѣны въ жизни такихъ лицъ, которыя были преданы міру, склонялись къ разнымъ крайностямъ въ нравственной жизни. Бл. Іеронимъ и бл. Августинъ указываютъ различныя лицъ, принадлежащихъ по своему положенію къ кругу знатныхъ и богатыхъ людей, которые, подъ вліяніемъ знакомства съ жизнію египетскихъ подвижниковъ, совершенно перемѣнили свою жизнь, дѣлаясь другими людьми... Нашъ первый русскій лѣтописецъ особое благочестіе страстотерпцевъ Бориса и Глѣба объясняетъ раннимъ знакомствомъ ихъ съ жизнію святыхъ, которымъ они старались подражать. Не напрасно Симеонъ еп. Владимірскій думалъ подѣйствовать на Поликарпа, намѣревавшагося по честолюбію оставить Кіево-Печерскую лавру, выставленіемъ на видѣ идеальныхъ подвиговъ нѣкоторыхъ иноковъ. Цѣль его была достигнута. Къ сказанному о религіозно-нравственномъ значеніи Четь-Миней святителя Димитрія пужно присоединить, что онъ много содѣйствовалъ назидательности своего труда самымъ способомъ повѣствованія. Это не холодныя разсказы лѣтописца, излагающаго событія, какъ они слѣдовали одно за другимъ, безъ всякаго сочувствія къ

нимъ. Нѣтъ, онъ вездѣ дорожитъ нравственнымъ значеніемъ передаваемыхъ событій и всѣ свои рассказы направляетъ къ тому, чтобы преподать читателю, или слушателю какой либо нравственный урокъ.

Несомнѣнно, для народа эта книга будетъ всегда имѣть религиозно воспитательное значеніе, возбуждая и укрѣпляя въ немъ вѣру въ Промыселъ Божій, располагая къ любви, къ смиренію, терпѣнію и другимъ добродѣтелямъ.

Кромѣ Четыхъ-Миней, заслуживаетъ вниманія „*Лѣтопись келейная*“ святителя, хотя и оставшаяся неоконченною. Въ ней святитель желаетъ дать духовенству и народу русскому понятное и доступное по цѣнѣ изложеніе исторіи библейской и всеобщей съ различными прибавленіями и дополненіями. На трудъ свой св. Димитрій смотрѣлъ скромно. Книжные люди хорошо знаютъ все это, на иностранныхъ языкахъ довольно печатныхъ книгъ и на нашемъ славянскомъ языкѣ есть рукописные хронографы: въ наполненныя житницы нечего прибавлять нѣсколько зеренъ или въ большія рѣки вливать горсть воды... Но такой трудъ былъ безусловно необходимъ для своего времени въ виду крайне смутныхъ свѣдѣній духовенства даже по Священной Исторіи. „Помню, писалъ святитель Стефану Яворскому, что въ нашей Малороссійской странѣ трудно отыскать славянскую біблію... Да рѣдко кто и изъ духовнаго сана знаетъ порядокъ библейской исторіи: что когда происходило“. Въ видѣ примѣра святитель Димитрій рассказываетъ о томъ, какъ одинъ игуменъ спрашивалъ его, когда былъ Ілія пророкъ— до Рождества Христова или послѣ Рождества Христова? А другіе говорили, что тѣмъ самымъ мечемъ, которымъ Петръ отсѣкъ ухо Малху, пророкъ Ілія послѣ перерѣзалъ жрецовъ Вааловыхъ. „Библейско-историческія свѣдѣнія пополняются въ Лѣтописи свѣдѣніями по Общей Исторіи (языческой), глубокомысленными изъясненіями нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія, хронологическими изслѣдованіями и нравственными размысленіями. Св. Димитрій предвидѣлъ возраженія противъ такой постановки своего труда, но тѣмъ не менѣе воплію сознательно допускалъ въ немъ указанныя особенности, преслѣдуя не столько научныя, сколько пастырскія цѣли. Въ письмѣ къ Стефану Яворскому онъ замѣчаетъ, что работа его мало кому нравится; „въ ней, какъ въ сбитнѣ

русскомъ—мѣшаются и исторія и будто толкованьице нѣкое, индѣ правоученьице, особливо въ первой и второй тысячѣ лѣтъ, гдѣ мало находится исторій, что въ книгописательствѣ одно быть историкомъ, другое толкователемъ, третье—правоучителемъ, но я, говорить онъ, съ перѣдкой у него шуточной, смѣшалъ все это, какъ горохъ съ капустой, желая имѣть книжку съ отрывками и замѣтками, чтобы пригодилось индѣ и для проповѣди“¹⁾. Если самъ святитель по своему смиренію ослаблялъ достоинство своего труда, то большинство современниковъ, во главѣ съ Стефаномъ Яворскимъ, высоко цѣнили „Лѣтопись“ св. Димитрія, признавая ее необходимою и полезною. Многіе переписывали ее для себя и другихъ еще при жизни святителя Димитрія. Специалистами замѣчено, что ни одно изъ произведеній святителя не дошло до насъ въ такомъ большомъ количествѣ списковъ, какъ именно „Лѣтопись“. Рукописные свитки ея считались сотнями. Это, по замѣчанію проф. Шляпкина, съ очевидностію свидѣтельствуетъ о томъ, что святитель Димитрій глубоко понималъ духъ и потребности русскаго народа, для котораго онъ преимущественно направлялъ свой трудъ. Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что если бы эта лѣтопись была окончена, она была бы единственною для библейской исторіи въ церковной нашей словесности. По словамъ Пыпина, это была первая замѣна стараго хронографа той скудной и, должно сказать порядочно грубой компиляціи, какою довольствовались читатели стараго времени. Это былъ трудъ, основанный на обширномъ изученіи и самой библіи и отцовъ Церкви, византійскихъ хронистовъ и позднѣйшихъ церковныхъ писателей; на поляхъ онъ постоянно цитируетъ свои библейскіе и ученые источники: въ числѣ послѣднихъ были, напр., Корнелій а Lapidе, Гавріиль Буцелингъ, Навклинръ, Мерканіоръ, Кноверъ, Белярминъ и др. Опять никто изъ московскихъ книжниковъ не былъ бы способенъ на подобный трудъ²⁾.

Еще большее значеніе для Церкви имѣетъ догматико-полемиическій трудъ святителя Димитрія, извѣстный подъ именемъ „*Розыска* (разсмотрѣнія) о раскольнической брын-

¹⁾ Сочиненія св. Димитрія, I, стр. 341.

²⁾ Пыпинъ, Исторія Русской Литературы II, 411.

ской вѣрѣ“¹⁾. Трудъ этотъ былъ вызванъ опасностями для православія со стороны раскола, усиливавшагося особенно въ царствованіе Петра Великаго. Самъ святитель указываетъ на тѣ побужденія, которыми руководился при написаніи такого сочиненія. Въ письмѣ къ своему другу, чудовскому монаху Феологу, онъ замѣчаетъ, что въ теченіе недѣли проповѣдывалъ въ Ярославлѣ противъ раскола, но такъ какъ „слова изъ устъ болѣе идутъ на вѣтеръ, нежели въ сердца“, то оставивъ свои занятія по составленію лѣтописи, онъ принялся за написаніе особой книжки противъ раскола... „Богъ о лѣтописаніи не истязаетъ (не спроситъ), а о семъ, аще молчать противъ раскольниковъ, истязаетъ“. По мысли автора, выраженной въ предисловіи къ „Розыску“, послѣдній былъ написанъ съ тою цѣлью, чтобы сколько возможно вразумить самихъ раскольниковъ, а главное, чтобы дать ростовскому духовенству надлежащее понятіе о расколѣ и снабдить его надежнымъ оружіемъ противъ этого противника. По своему архипастырскому долгу святитель признавалъ необходимымъ своевременно и энергично принять мѣры противъ врага, ибо „когда волки падаютъ на стадо, пастырю не должно быть одержиму сномъ“. Правда, были уже изданы противъ раскольниковъ „Жезлъ правленія“ и „Увѣтъ духовный“, но не было извѣстно, существуютъ ли эти книги въ ростовской епархіи и едва ли, потому что ненавистная рука раскольническая истребляетъ ихъ. „Принимаясь за новый трудъ, святитель Димитрій работалъ надъ нимъ съ большимъ усердіемъ. Онъ заботливо собиралъ всѣ необходимые матеріалы и пособія для своего новаго сочиненія. Свѣдѣнія о раскольничьихъ заблужденіяхъ были заимствуемы имъ частью изъ раскольничьихъ книгъ, частью изъ свидѣтельствъ о нихъ православныхъ. Кромѣ того, святитель непосредственно имѣлъ сношенія съ раскольниками: объ этихъ сношеніяхъ нерѣдко передается въ его сочиненіи. „Розыскъ о брянской вѣрѣ“ является однимъ изъ обширѣйшихъ сочиненій св. Димитрія. Сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой доказывается, что вѣра раскольниковъ исправа и нестара,

1) Брянскою вѣрою расколъ называется отъ знаменитыхъ некогда Брянскихъ лѣсовъ въ нынѣшней Калужской губерніи, которые служили гнѣздомъ раскольничьихъ скитовъ, расположенныхъ въ лѣсахъ по рѣкѣ Брыни, впадающей въ Жиздру, притокъ Оки.

во второй говорится о томъ, что ученіе раскольниковъ душевредно, въ третьей—что дѣла ихъ не богоугодны. Неправота вѣры раскольниковъ доказывается тѣмъ, что она заключается въ предметахъ видимыхъ; именно ограничивается старыми иконами и книгами, осьмиконечнымъ крестомъ, своимъ перстосложеніемъ въ крестномъ знаменіи и седмичномъ числѣ просфоръ на литургіи,—что не составляетъ вѣры. Душевредность ученія раскольниковъ св. Димитрій доказываетъ тѣмъ, что ученіе это неправильно, проповѣдуются ложными или незаконными учителями, таково ученіе объ антихристѣ, о прекращеніи жертвы Христовой, объ образѣ и подобіи Божіемъ (будто они заключаются въ борода). Небогоугодность дѣлъ раскольниковъ доказывается тѣмъ, что подвиги внѣ Церкви не принесутъ пользы и что эти подвиги бывають часто лицемѣриемъ. Къ такимъ дѣламъ, которые представляютъ полное уклоненіе отъ духа религіи христіанской святитель относитъ особенно самосожигательства и запащиванія, допускаяшіяся раскольниками въ XVII и XVIII вв. (Роз. гл. 11, 13 и 16). Розыскъ св. Димитрія, сравнительно съ предшествовавшими полемическими сочиненіями Симеона Полоцкаго и м.-патріарха Іоакима, содержитъ въ себѣ больше свѣдѣній. Здѣсь полнѣе раскрываются причины появленія раскола, выставляются на видъ его различныя развѣтвленія, главные пункты ученія, а также нравственныя и бытовыя особенности раскола. Особенно важно, что въ Розыскѣ въ первый разъ различаются раскольническіе толки, какъ поповщинскіе, такъ и безпоповщинскіе, хотя по мѣстамъ расколъ объединяется и смѣшивается съ раціоналистическимъ и мистическимъ русскимъ сектантствомъ. Въ самой полемикѣ съ раскольниками, сравнительно съ прежними полемическими приѣмами, замѣчаются слѣдующія особенности. Во-первыхъ, обращается главное вниманіе на несообразность раскола съ духомъ евангельскимъ выразительнымъ указаніемъ на слѣзную привязанность раскольниковъ къ внѣшнимъ обрядамъ, независимо отъ внутренней стороны, ихъ одухотворяющей. Во-вторыхъ, употребляются усилія на возможно болѣе всестороннее положительное уясненіе такихъ сторонъ православія, которыя извращаются раскольниками или неправильно ими понимаются. При этомъ въ Розыскѣ дѣлается множество догматическихъ, обрядовыхъ и простыхъ житейскихъ объяс-

неній съ обоснованіемъ и подтвержденіемъ ихъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ изъ Священнаго Писанія, отцевъ Церкви, древней русской письменности, наконецъ изъ историческихъ сочиненій церковныхъ писателей—греческихъ и латинскихъ. Наконецъ, въ-третьихъ, св. Димитрій въ отношеніи къ расколу проявляетъ значительное безпристрастіе, о которомъ можно судить по тому, что онъ не отрицаетъ въ расколѣ извѣстныхъ добрыхъ сторонъ въ жизни. Къ такимъ сторонамъ жизни раскольниковъ святитель относитъ: „ихъ пощенія многая, молитвы продолжительныя, поклоновъ многое число, трезвость и воздержаніе отъ хмельнаго питія, отъ яденія рыбы и мяса, иные подвиги и труды“. Но при этомъ замѣчаетъ, что такіе подвиги могутъ имѣть нравственное значеніе только при единеніи съ Церковію (8... 12). Правда, по мѣстамъ полемическій тонъ въ Розыскѣ рѣзкій. Но онъ объясняется частью тѣмъ, что святитель возмущался сомнѣніемъ раскольниковъ о своей правотѣ, бывшимъ слѣдствіемъ явнаго непониманія церковнаго ученія (насколько оно подтверждается Священнымъ Писаніемъ и церковнымъ преданіемъ), даже незнанія грамматики,—частью же рѣзкими выходками раскольниковъ противъ Церкви. „Дышетъ Брынская пустыня на Церковь Божию злобою, аки огнемъ“.

Забываясь о поддержаніи православія и объ охраненіи его отъ раскольниковъ и сектантовъ, святитель Димитрій посвящалъ себя также съ большимъ успѣхомъ *проповѣднической дѣятельности*. Еще въ Малороссіи онъ приобрѣлъ славу своими проповѣдями, но во всей широтѣ эта дѣятельность развивается въ Ростовѣ. Первые проповѣди св. Димитрія еще носятъ на себѣ въ значительной степени печать риторической школы: они составлены по тѣмъ правиламъ, какія преподавалъ „Ключъ разумѣнія“ съ искусственнымъ построеніемъ, риторическимъ развитіемъ темы, съ аллегоріей и символическими толкованіями, нерѣдко натянутыми. Такіе приемы, конечно, въ значительной степени отражали въ себѣ образованіе, полученное святителемъ въ Кіевской Коллегіи; но они были также слѣдствіемъ приспособленія проповѣдника къ потребностямъ южно-русскаго общества, которое не удовлетворялось простымъ изложеніемъ живыхъ евангельскихъ истинъ. Впрочемъ, и первые проповѣди святителя, несмотря на нѣкоторое схоластическое построеніе,

уже по многимъ чертамъ отличаются отъ проповѣдей его предшественниковъ, насколько они были плодомъ не упражненія на заданную тему, а истиннаго вдохновенія, которымъ была преисполнена даровитая и любящая натура проповѣдника. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше искусственная метода проповѣдника начинаетъ отпадать, все больше получаетъ мѣста простое толкованіе христіанской нравственности; примѣры берутся изъ дѣйствительной жизни. Во всѣхъ проповѣдяхъ ясно замѣтна одна главная идея, одно стремленіе проповѣдника—сдѣлать людей лучше и добрѣе. „Любовь—выше всего“ такова основная тема уже первыхъ проповѣдей святителя. Но проповѣдникъ не ограничивается призывомъ къ дѣятельному проявленію любви въ жизни путемъ исполненія дѣлъ милосердія. Онъ часто призываетъ своихъ слушателей къ углубленію въ свою душу, къ сознанію своей грѣховности и къ такому внутреннему преобразованію своей природы, при которомъ она служила бы мѣстомъ обитанія Христа, мѣстомъ водворенія царства небеснаго. Сообразно съ этимъ, онъ съ высоты идеально-аскетической точки зрѣнія обличаетъ противоположные ей недостатки, замѣчаемые въ современной жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи замѣчательны особенно проповѣди, сказанныя святителемъ въ ростовской епархіи, въ которыхъ картинно изображаются: исканіе въ мірѣ Христа, путешествіе царства небеснаго, пепельная трапеза Давидова и др. Проповѣдникъ обличенія общества въ уклоненіи отъ идеальныхъ цѣлей представляетъ картины съ изображеніемъ характерныхъ недостатковъ. Эти картины заимствуются изъ повседневной жизни слушателей и рисуютъ эту жизнь самымъ нагляднымъ образомъ. Онѣ представлены святителемъ не для простаго ораторскаго украшенія, но для упрощенія высокыхъ понятій, для болѣе яснаго уясненія истинъ вѣры и благочестія. „Изображеніе современныхъ нравовъ, примѣнительность къ понятіямъ и жизни простаго народа и практическое направленіе, имѣющее широкое непосредственное отношеніе къ нравственной жизни и нравственному назиданію слушателей, составляютъ отличительныя черты проповѣдей, говоренныхъ св. Димитріемъ къ ростовской паствѣ“¹⁾. Есть, впро-

¹⁾ Порфирьевъ, Исторія Русской Литературы, изд. 3. Казань 1879 г., т. 1, стр. 664.

чемъ, у св. Димитрія нѣсколько и такихъ проповѣдей, въ которыхъ онъ, по примѣру юго-западныхъ проповѣдниковъ, пользовался матеріаломъ свѣтскихъ наукъ. Такъ, напр., въ субботу четвертой недѣли великаго поста, разсуждая о памяти смертной, онъ приводитъ изреченіе Солона, предсказавшаго несчастный конецъ счастливому во всемъ лидійскому царю Крезу;—разсказъ о египетскомъ царѣ Птоломеѣ, которому, однажды во время пира, представили мертвую голову для того, чтобы внушить ему смиреніе и память о смерти и разсказъ о птицѣ фениксѣ, которую писатели любили прежде приводить, какъ образъ будущаго воскресенія человѣка отъ смерти въ жизнь вѣчную.

Въ проповѣдяхъ св. Димитрія нѣтъ такого близкаго отношенія къ политической современности, какъ у Теофана Прокоповича, или Стефана Яворскаго; но онъ не уклонялся при случаѣ высказать свой взглядъ по поводу совершавшихся событій. Въ своихъ проповѣдяхъ, замѣчаетъ проф. Шляпкинъ, св. Димитрій задѣлъ всѣ жгучіе вопросы тогдашней современности и, строго обсудивъ ихъ съ точки высокой христіанской нравственности, онъ является въ нихъ идеальнымъ пастыремъ русской старины, печалующимся о всѣхъ страждущихъ, безстрастно произносящимъ приговоръ недостойнымъ. Въ эпоху Петровскихъ новшествъ святитель явился хранителемъ стараго достоянія русскаго народа,—живой, дѣйствующей чрезъ любовь православной вѣры. Всѣ военныя неудачи и несчастія онъ приписывалъ грѣхамъ людей и призывалъ къ покаянію. Послѣ нарвскаго пораженія св. Димитрій высказался, что нужно твердо переносить испытанія и нести жертвы на общее дѣло,—еще не все потеряно. Нельзя отчаиваться такъ людямъ, которые вѣрятъ въ Божественный Промыслъ. „Молитвенныя слезы составляютъ облака, изъ облаковъ могутъ быть громы и молніи на враговъ нашихъ“. Уважая санъ Петра Великаго, какъ помазанника Божія, и сочувствуя его реформамъ, онъ не закрывалъ глазъ на его недостатки. Не разъ въ своихъ проповѣдяхъ святитель указывалъ и на милосердіе, какъ на главное достоинство царя и на гнѣвъ и любострастіе, какъ его главные пороки. Въ одной изъ лучшихъ своихъ проповѣдей на тему: „терпѣніемъ стяжите души ваши“, св. Димитрій въ присутствіи самого Петра чрезвычайно подробно

разбираетъ и обличаетъ гнѣвную ярость въ чловѣкѣ. Не скрывалъ онъ неодобренія и нѣкоторымъ его распоряженіямъ (напр., указу о разрѣшеніи воинамъ ѣсть въ посты мясо), а также протестанскимъ увлеченіямъ сподвижниковъ Петра. „Речеть Бахусъ чревоугодный богъ съ ученикомъ своимъ Мартиномъ Лютеромъ: надобно въ полкахъ не смотрѣть посты, и въ постъ ѣсти мясо, чтобы полковые люди въ воинствѣ были сильны, въ бою крѣпки, не ослабѣли бы въ брани отъ поста и воздержанія. Но Гедеоново воинство и постясь побѣдило мадіанитянь. Не соблюдать постовъ—это не грѣхъ! День и ночь пьянствовать—это обидительность! Пребывать въ гуляніи—это дружба! А что говорятъ о загробной жизни для души,—то куда ей идти? Это басни!“ Въ противность духовному регламенту, обязывавшему священниковъ доносить о государственныхъ преступленіяхъ, открытыхъ на исповѣди, св. Димитрій въ поученіи къ іереямъ пишетъ: „аще кій властелинъ или судъ гражданскій повелѣлъ и нудма (весьма) принуждалъ іерея, да скажетъ какой грѣхъ духовнаго своего сына, и аще бы прещеніемъ и муками и смертію претилъ, то іерей долженъ есть умрети паче и мученическимъ вѣнцемъ вѣнчати, неже печать исповѣди отрѣштити“¹⁾. Осуждая крайности, весьма прозрачно указывая личные недостатки Петра въ проповѣдяхъ, сказанныхъ даже въ его присутствіи, св. Димитрій, безъ сомнѣнія, вполне искренно желалъ успѣха его трудамъ и, между прочимъ, сочувствовалъ сношеніямъ съ иностранцами. „Хвалю добрый той нынѣшнихъ временъ обычай, что многіе люди въ иныя государства ходятъ ученія ради, изъза морей бо умудреніи возвращаются... Аще же память смертная есть философією, убо тоя мудрости учиться не довлѣеть, сидя въ дому, но и въ чужихъ странахъ побывать требуется“.

Мы кончаемъ тѣмъ, чѣмъ и начали.

Воспроизведенная нами жизнь святителя Димитрія Ростовскаго, представляющая совмѣщеніе такихъ идеальныхъ качествъ, какъ строгое подвижничество, нестяжательность, всегдашняя готовность оказать помощь нуждающемуся, смиреніе, необычная ревность въ исполненіи своихъ іерархическихъ обязанностей, величайшее трудолюбіе, въ связи съ

¹⁾ Сочиненія т. I, стр. 160—1, изд. 1848.

его разнообразными литературными и научно-богословскими творениями, преслѣдующими возвышенныя религіозно-назидательныя цѣли,—свидѣтельствуютъ, что ублажаемый нами святитель былъ продолжателемъ тѣхъ идеальныхъ религіозно-аскетическихъ традицій, которымъ слѣдовали отцы Церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ и наши древніе русскіе іерархи. Но эти традиціи имѣли свое основаніе въ евангельскомъ ученіи Господа Иисуса Христа. И потому безусловно ложнымъ нужно признать то положеніе, будто „восточный традиціонализмъ имѣетъ мало общаго съ евангеліемъ“¹⁾.

¹⁾ Гарнакъ, Сущность христіанства, стр. 130.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru